

СТИВЕН
КИНГ

**ПОД КУПОЛОМ
ШЕСТОЕ ЧУВСТВО**

ТОМ 2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
UNDER THE DOME

Перевод с английского *В. Вебера*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Под Куполом : [роман в 2 т.] Т. 2. Шестое чувство /
Стивен Кинг ; [пер. с англ. В. Вебера]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 768 с. — (Король на все
времена).

ISBN 978-5-17-116975-6

История маленького городка, который настигла большая беда. Однажды его, вместе со всеми обитателями, накрыло таинственным невидимым куполом, не позволяющим ни покинуть город, ни попасть туда извне. Что теперь будет в городке? Что произойдет с его жителями? Ведь когда над человеком не довлеет ни закон, ни страх наказания — слишком тонкая грань отделяет его от превращения в жестокого зверя. Кто переступит эту грань, а кто — нет?

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116975-6

© Stephen King, 2009

© Перевод. В. Вебер, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

1

Помимо увлечения городской политикой, за Большим Джимом Ренни числился один-единственный грех — беззаветная любовь к школьному женскому баскетболу, если точнее, к баскетбольной команде «Дикие кошки». Он покупал годовой абонемент с 1998 года и за сезон посещал как минимум десяток игр. В 2004 году, когда «Дикие кошки» выиграли первенство штата среди старших школ, он не пропустил ни одной игры. И хотя люди, приглашенные в его домашний кабинет, замечали прежде всего автографы Тайгера Вудса, Дейла Эрнхардта и Билла Ли по прозвищу Инопланетянин, Большой Джим больше гордился автографом Ганны Комптон, разыгрывающей защитницы, которая в том году училась во втором классе старшей школы. Именно ее стараниями «Дикие кошки» первый и последний раз в своей истории выиграли Золотой мяч.

Обладатель годового абонемента знает других обладателей таких же абонементов, сидящих вокруг, и причины, по которым им нравится этот вид спорта. Большинство — родственники играющих девушек

4 (и зачастую активисты «Клуба поддержки», организующие распродажи домашней выпечки и собирающие деньги для все более дорожающих выездных игр). Другие — баскетбольные пуристы, которые и постараются вам объяснить, что школьный женский баскетбол интереснее. Девушки куда в большей степени заражены командным духом, чем юноши, которые склонны к головокружительным проходам, броскам, данкам, короче, сбиваются на индивидуальные действия. Скорости в женском баскетболе не столь высокие, что позволяет вникнуть в тонкости игры, насладиться каждым заслоном или «стенкой». Болельщики такого баскетбола ценят небольшой счет, с каким обычно заканчиваются игры (поклонники мужского баскетбола фыркают, когда слышат такое мнение), заявляя, что девушки делают упор на защите и стараются помешать броску даже ценой нарушения правил, то есть следуют основным принципам школьного баскетбола, каким он был раньше.

Есть также люди, которым просто нравится наблюдать, как по площадке бегают длинноногие девушки в коротких шортиках.

Большой Джим мог подписаться под всеми этими причинами, но его страсть к школьному женскому баскетболу базировалась совсем на ином. Только эту причину он никогда не озвучивал, обсуждая с другими болельщиками перипетии игры. Это не принесло бы политических дивидендов.

Девушки воспринимали спорт как что-то личное, а потому проявляли большую ненависть к сопернику.

Юноши хотели выиграть, это так, и иногда игра достигала очень высокого эмоционального накала, особенно если команде противостоял принципиальный соперник (для «Диких котов» Милла — презренные «Ракеты» Касл-Рока), но по большей части юношей интересовали индивидуальные достижения. По-

просту говоря, им хотелось показать себя. И когда игра заканчивалась, для них она действительно уходила в прошлое.

А девушки просто терпеть не могли проигрывать. Проигрыш они уносили с собой в раздевалку и долго над ним раздумывали. Более того, они *всей командой* терпеть не могли проигрыш, ненавидели его. Большой Джим часто наблюдал, как эта ненависть давала о себе знать. Во второй половине игры, особенно при равном счете, до него частенько долетало с площадки что-то вроде: «Хрен тебе, маленькая сучка, этот мяч мой!» Такие фразы заряжали его энергией.

До сезона 2004 года «Дикие кошки» только однажды выходили в финальную часть первенства штата, двадцатью годами раньше, и сразу же проиграли Бакфилду. Потом появилась Ганна Комптон. По мнению Большого Джима, умеющая ненавидеть как никто.

Дочь Дейла Комптона, сухопарого лесоруба из Таркерс-Миллса, обычно пьяного и всегда сварливого, Ганна естественным образом обрела выражение лица, которое ясно и понятно говорило всем: отвалите от меня. Перейдя в старшую школу, она почти весь сезон отыграла в команде дублеров. В основной состав попала только в двух последних играх, перебросала всех и оставила свою соперницу из «Ричмондских рысей» корчиться на паркете после жесткого, но чистого защитного приема.

После завершения игры Большой Джим подошел к тренеру Вудхеду:

«Если эта девочка в следующем сезоне не выйдет на площадку в основном составе, ты псих».

«Я не псих», — ответил Вудхед.

Ганна начала сезон на отлично. А закончила еще лучше, оставив такой яркий след, что болельщики «Диких кошек» не могли забыть ее и годы спустя: средний показатель за игру — 27,6 очка. Она могла в любой мо-

6 мент забросить трехочковый, но больше всего Большому Джиму нравилось, как она разрезает оборону противника и рвется к кольцу: курносое лицо сосредоточено до предела, черные глаза предупреждают — не стой на моем пути, конский хвост мотается из стороны в сторону, как поднятый средний палец. Второй член городского управления и главный продавец подержанных автомобилей влюбился.

В игре за звание чемпиона 2004 года «Дикие кошки» выигрывали у «Ракет» десять очков, когда Ганна уселась на скамейку за пять персональных замечаний. К счастью для «Кошек», произошло это в самом конце игры. Так что в итоге они победили с перевесом в одно очко. Из набранных «Дикими кошками» восьмидесяти шести очков Ганна Комптон записала на свой счет невероятные шестьдесят три. Той же весной ее сварливый папаша оказался за рулем новенького «кадиллака», который Джим Ренни продал ему с сорокапроцентной скидкой. Новые автомобили Большой Джим обычно не продавал, но всегда мог такой достать, если хотел.

Сидя в кабинете Питера Рэндолфа в те самые минуты, когда последние розовые метеоры еще прочерчивали небо (а его трудные дети ждали — и Ренни надеялся, что в тревоге, — пока их призовут и вынесут приговор), Большой Джим вспоминал тот удивительный, поистине фантастический матч, особенно первые восемь минут второй половины, которую «Кошки» начали, отставая на девять очков.

Ганна подмяла игру под себя с жестокостью, с какой Сталин подмял под себя Россию. Ее черные глаза блестели (и видели перед собой некий баскетбольный рай, скрытый от простых смертных), лицо застыло в усмешке, говорившей всем и каждому: *Я лучше тебя, я лучшая, уйди с моего пути, или я, на хрен, раздавлю тебя*. Все ее броски в течение этих восьми минут попадали в кольцо, включая один, совершенно нелепый, из

центрального круга, который она сделала только потому, что ноги у нее заплелись, и судьи обязательно отобрали бы мяч за пробежку.

Существуют слова и фразы, определяющие такое состояние, чаще всего говорят: «в ударе». Но Большому Джиму нравилось другое определение — «шестое чувство». «Она это действительно чувствует», — вот что он мог сказать про Ганну в те минуты. Словно ее игра приобрела некий божественный ингредиент, недоступный обычным игрокам (хотя иногда даже обычные игроки обретали шестое чувство, на короткое время трансформировались в богов и богинь, и все физические дефекты исчезали на период их божественного превращения), ингредиент, который может проявиться лишь по особым случаям.

На следующий год Ганне Комптон не удалось сыграть ни одной игры: финальный матч стал для нее прощальным. В то лето, сев за руль пьяным, ее отец убил себя, жену и трех дочерей по пути в Таркерс-Миллс из «Брауна», куда они ездили за фраппе с мороженым. Купленный со скидкой «кадиллак» стал им гробом.

Автомобильная авария с таким количеством жертв, конечно же, попала на первые полосы газет в Западном Мэне — «Демократ» Джулии Шамуэй на той неделе вышел с черной рамкой, — но Большой Джим особо не горевал. Он подозревал, что Ганна не пробилась бы в стартовую пятерку команды колледжа; там играли девушки покрупнее, и она могла рассчитывать только на редкие выходы на замену. Ганна с этим бы не смирилась. Ее ненависть подпитывалась постоянным пребыванием на площадке. Большой Джим прекрасно это понимал. Полностью разделял ее чувства. По той самой причине у него не возникало даже желания покинуть Милл. В большом мире он мог бы заработать больше денег, но что есть богатство, как не

8 пиво существования, тогда как власть — шампанское.

Ему нравилось управлять Миллом и в обычные дни, но в кризис удовольствие увеличивалось многократно. В такие времена он буквально летал на крыльях интуиции, зная, что не мог напортачить, абсолютно не мог напортачить. По аналогии с баскетбольной площадкой, он словно просчитывал все действия защиты до того, как эти действия предпринимались, и мяч попадал в кольцо всякий раз, когда оказывался у него в руках. Поскольку возникало шестое чувство, и что могло быть лучше, чем его появление по ходу игры, определяющей чемпиона?

И сейчас шла чемпионская игра Большого Джима, и все складывалось в его пользу. Он чувствовал — абсолютно верил, что все пойдет как надо, в этот магический период. И то, что вроде бы создавало помехи, наоборот, открывало новые возможности, а не превращалось в неприступные оборонительные редуты — по аналогии с отчаянным броском Ганны с середины площадки тот заставил вскочить на ноги всех зрителей, собравшихся тогда в городском центре Дерри: болельщики Милла ликовали, Касл-Рока хватались за головы, не понимая, как такое могло случиться.

Шестое чувство. Благодаря ему Большой Джим не уставал, хотя, казалось бы, должен был валиться с ног. Благодаря ему не волновался из-за Младшего, несмотря на молчаливость и настороженность последнего. Благодаря ему не тревожился из-за Дейла Барбары и сеющих смуту его друзей, особенно этой газетной суки. Благодаря ему лишь улыбался, когда Питер Рэндолф и Энди Сандерс ошеломленно тарасились на него. Он мог позволить себе улыбаться. Он руководствовался шестым чувством.

— Закрыть супермаркет? — переспросил Энди. — Многим это не понравится, Большой Джим.

— Супермаркет и «Бензин и бакалею», — поправил его Ренни, продолжая улыбаться. — О «Брауне» можно не беспокоиться, этот магазин уже закрылся. И это хорошо. Мерзкая забегаловка. — Но не добавил: «где продаются мерзкие порножурналы».

— Джим, в «Мире еды» продуктов предостаточно, — вставил Рэндолф. — Я только сегодня разговаривал с Джеком Кейлом. Мясо подходит к концу, но с остальным полный порядок.

— Я знаю, — кивнул Большой Джим. — Понимаю, что такое инвентаризация, и Кейл это тоже понимает. Должен. В конце концов, он еврей...

— Ну... я просто говорю, что пока у нас более-менее поддерживается порядок. Потому что у людей кладовые набиты всем необходимым. — Тут Рэндолф просял. — Надо сократить время работы «Мира еды». Думаю, Джека можно на это уговорить. Он, вероятно, уже сам думает об этом.

Большой Джим покачал головой, по-прежнему улыбаясь. Вот и еще один пример того, как все складывается в твою пользу, когда тебя ведет шестое чувство. Герцог Перкинс сказал бы, что это ошибка, особенно сразу после такого жуткого небесного шоу. Но Герцог мертв, что не просто хорошо — божественно.

— Закрыть, — повторил он. — И супермаркет, и магазин. На замок. А когда они откроются, продукты будем выдавать мы. Тогда их хватит на более продолжительное время и распределение будет более справедливым. Я объявлю о введении плана нормирования в четверг, на городском собрании. Если, разумеется, Купол к тому времени не исчезнет.

— Я не уверен, что у нас есть право закрывать частные предприятия, Большой Джим. — В голосе Энди слышалась неуверенность.

— При таком кризисе это не только наше право, но и обязанность. — Ренни с силой хлопнул по плечу Пита

10 Рэндолфа. Новый начальник полиции Милла этого не ожидал и испуганно вскрикнул.

— А если начнется паника? — Энди хмурился.

— Что ж, этого исключить нельзя. Если расшевелить мышинное гнездо, мыши обязательно побегут. Нам, возможно, придется увеличить численность полиции, если этот кризис не разрешится в самое ближайшее время.

На лице Рэндолфа отразилось удивление.

— У нас и так двадцать человек. Включая... — Он мотнул головой в сторону двери.

— Да, — кивнул Большой Джим, — и раз уж о них зашла речь, ты приведи их сюда, чиф, чтобы мы закончили с этим делом и отправили ребят спать. Я думаю, завтра у них будет тяжелый день.

*И если сегодня их чуть вздрючить, завтра они про-
явят большее рвение. А вздрючить их надо, раз уж они не
могут держать свои дубинки в штанах.*

2

Френк, Картер, Мел и Джорджия переминались с ноги на ногу, как подозреваемые, привезенные в полицейский участок для опознания. Чувствовалось, что вызывающее выражение их лиц всего лишь ширма. Ганна Комптон подняла бы этих ребят на смех. Они не поднимали глаз, изучая свою обувь. Большой Джим видел — они ждут, что их сейчас уволят, а то и отправят в камеры. Его это устраивало. На страхе играть проще всего.

— А вот и наши доблестные патрульные, — приветствовал он их.

Джорджия Ру что-то пробормотала себе под нос.

— Говори громче, милая. — Большой Джим поднес сложенную лодочкой руку к уху.

— Мы не сделали ничего плохого. — Голос жалобный, как у школьницы, незаслуженно обвиненной в чем-то учителем.

— А что именно вы сделали? — И когда Джорджия, Френк и Картер начали говорить одновременно, указал на Френка: — Ты. И ради Бога, поубедительнее.

— Мы там были, — начал Френк, — но она пригласила нас.

— Точно! — крикнула Джорджия, сложив руки под внушительной грудью. — *Она...*

— Заткнись! — Большой Джим наставил на нее мясистый палец. — Один говорит за всех. Так это делается, если вы команда. Вы команда?

Картер Тибодо уже понял, к чему все идет:

— Да, сэр, мистер Ренни.

— Она сказала, что у нее есть пиво, — продолжил Френк. — Мы пошли к ней только по этой причине. Не могли купить в городе, вы знаете. В любом случае мы сидели, пили пиво, каждому досталось по банке, уже в какой-то степени не при исполнении.

— *Вообще* не при исполнении, — вмешался чиф. — Ты хотел сказать, в свободное от службы время.

Френк кивнул:

— Да, сэр, именно это я и хотел сказать. Мы выпили пива и сказали, что нам лучше уйти, но она сказала, что мы делаем важную работу, она это ценит и хочет поблагодарить каждого из нас. А потом раздвинула ноги.

— Показала свою мохнатку, вы понимаете. — Мел широко и тупо улыбнулся.

Большой Джим поморщился, радуясь тому, что здесь нет Андреа Гриннел. Наркоманка или нет, в такой ситуации она начала бы возмущаться.

— Одного за другим она отвела нас в свою спальню. Я знаю, мы приняли плохое решение, но с ее стороны все было добровольно, — закончил Френки.

12 — Я в этом уверен, — подал голос чиф Рэндолф. — У девицы та еще репутация. Как и у ее мужа. Наркотики вы там, кстати, не видели?

— Нет, сэр. — Четырехголосый хор.

— А вы не причинили ей боли? — спросил Большой Джим. — Как я понимаю, она заявляет, что ее били.

— Никто ее не бил, — ответил Картер. — Могу я сказать, что думаю по этому поводу?

Большой Джим согласно махнул рукой. У него начало складываться впечатление, что мистер Тибодо может принести пользу.

— Она, вероятно, упала после того, как мы ушли. Может, и пару раз, потому что сильно напилась. Служба опеки должна лишить ее родительских прав до того, как она прибьет своего малыша.

На последнее замечание никто не отреагировал. С учетом сложившихся обстоятельств служба опеки, расположенная в Касл-Роке, могла находиться и на Луне.

— То есть по большому счету вы ни в чем не виноваты, — подвел итог Большой Джим.

— Абсолютно, — подтвердил Френк.

— Что ж, думаю, нам все ясно. — Большой Джим оглядел остальных: — Нам все ясно, господа?

Энди и Рэндолф кивнули, на лицах читалось облегчение.

— Хорошо, — продолжил Ренни. — День выдался длинный, насыщенный событиями, и я уверен, что нам всем надо поспать. Молодежи особенно, потому что завтра вы должны быть на службе в семь утра. Супермаркет и «Бензин и бакалея» закрываются на период кризиса, и чиф Рэндолф думает, что именно вам нужно поручить охрану супермаркета на случай, что появятся люди, которым не понравится новый порядок. Вам это по силам, мистер Тибодо? Учитывая ваше... боевое ранение?

Картер согнул руку:

13

— Я в порядке. Ее собака сухожилия не порвала.

— Мы можем отправить с ними и Фреда Дентона. — Чиф Рэндолф уже сообразил, что к чему. — Уэттингтон и Моррисона поставим у «Бензина и бакалеи».

— Джим, — Энди повернулся к Ренни, — может, лучше выставить опытных полицейских у супермаркета, а новичков у...

— Я так не думаю. — Большой Джим улыбался. Его вело шестое чувство. — Именно эти молодые люди нужны нам у «Мира еды». Именно они. И кто-то ненароком шепнул мне, что вы держите в своих автомобилях оружие, а некоторые из вас берут его на патрулирование.

Ему ответило молчание.

— В полиции вы пока на испытательном сроке, — напомнил Большой Джим. — Но если у вас есть оружие, вы, как и все американцы, имеете право носить его при себе. Однако если я узнаю, что кто-то из вас будет стоять у «Мира еды» при оружии, да еще пустит его в ход, на том ваша служба в полиции и закончится.

— Совершенно верно, — поддакнул Рэндолф.

Большой Джим оглядел Френка, Картера, Мела и Джорджию.

— Есть насчет этого возражения? У кого-нибудь?

Им это определенно не нравилось. Большой Джим ничего другого и не ожидал, но они и так легко отделались. Тибодо крутил плечом, сгибал и разгибал пальцы, проверяя их состояние.

— А если оружие будет незаряженным? — спросил Френк. — Просто будет, вы понимаете, как предупреждение.

Большой Джим наставительно поднял палец.

14 — Я скажу тебе то же самое, что говорил мне отец. Незаряженного оружия не существует. У нас хороший город. Люди будут вести себя достойно, я в этом уверен. Если они изменятся, мы тоже изменимся. Понял?

— Да, сэр, мистер Ренни. — Не нравилось это Френку, что вполне устраивало Большого Джима.

Он встал. Только вместо того, чтобы выпроводить их за дверь, протянул им руки. Увидел недоумение на их лицах, кивнул, по-прежнему улыбаясь.

— Подойдите сюда. Завтра у нас знаменательный день, и нам не следует встречать его без молитвы. Так что возьмемся за руки. — Они взялись. Большой Джим закрыл глаза. — Господь наш...

Какое-то время говорил, тогда как остальные вникали.

3

Барби поднялся по наружной лестнице, ведущей к его квартире, за несколько минут до полуночи с поникшими от усталости плечами, думая о том, что сейчас хочет только одного — шести часов забвения, чтобы встать по будильнику и идти в «Эглантерию» готовить завтрак.

Но усталость как рукой сняло, едва он включил свет: генератор Энди Сандерса обеспечивал электричеством и квартиру над его аптечным магазином.

Кто-то здесь побывал.

Признаки чужого присутствия были настолько неявными, что поначалу Барби не смог их установить. Закрыв глаза, открыл, прошелся взглядом по гостиной, объединенной с кухонькой, ни на чем не заостря внимания, но стараясь ничего не упустить. Книги, которые он намеревался оставить здесь, не передвигали

по полкам, стулья стояли на привычных местах, один — у торшера, второй — у единственного в комнате окна с чудесным видом на проулок между домами, кофейная чашка и тарелка оставались там, куда он их и поставил: на сушилке у крошечной раковины.

А потом все сложилось, как обычно и бывает, если не стремиться максимально быстро выйти на правильный ответ. Ковер. Для себя Барби называл его Нелиндсей.

Примерно пять футов в длину и два в ширину Нелиндсея выткали повторяющимися синими, красными, белыми и коричневыми ромбами. Барби купил ковер в Багдаде, а иракский полицейский, которому он доверял, заверил его, что сработан ковер на курдской фабрике.

«Очень старый, очень прекрасный, — говорил полицейский. Звали его Латиф Абд аль-Халик Хассан. Хороший солдат. — Выглядит турецким, но нет-нетнет. — Широкая улыбка. Белые зубы. Через неделю после того дня на рынке пуля снайпера вышибла мозги Латифа Абд аль-Халика Хассана через дыру в затылке. — Не турецкий, иракский!»

Продавец ковров в желтой футболке с надписью «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ, Я ВСЕГО ЛИШЬ ПИАНИСТ» начал что-то говорить. Латиф слушал, кивая. Потом оба рассмеялись. После чего продавец сделал на удивление американский жест: ладонью правой руки обхватил левую выше локтя и согнул ее, сжав пальцы в кулак. Они засмеялись еще громче.

«Что такое?» — спросил Барби.

«Он говорит, что американский сенатор Линдсей Грэм купил пять ковров, похожих на этот, за пятьсот долларов. Пятьсот долларов из рук в руки перед прессой. Больше — под прилавком. Но ковры сенатора — подделка. Да-да-да. Этот не подделка, настоящий.